

Сара (Соня) Шерман (Кульман).

Свои воспоминания я посвящаю моим любимым: дочери Илоне, внуку Эдиньке и памяти дорогого мужа Шермана Хирши (Гирши).

ЭТО БЫЛО НЕДАВНО,- ЭТО БЫЛО ДАВНО.

Я родилась 16 апреля 1932 года в Эстонии, в Нарве.

Существует легенда, согласно которой настоящая фамилия предков по отцовской линии была Друкман. Сложилось таким образом, что в далеком прошлом рекрут по фамилии Друкман пошёл в царскую армию служить на 25 лет вместо другого парня, фамилия которого была Кульман. Подлинная причина до наших дней не дошла. Если это шутка, то какая-то доля правды в ней, вероятно, есть. Провергнуть или проверить теперь уже невозможно.

Следует также отметить, что в середине и конце тридцатых годов происходило "eestitamine" (обэстонивание) фамилий, при этом желание или согласие людей не учитывалось. Такова в том момент была политика государства в Эстонии. Вместо Kulman стали писать Kuulmann, из-за этого позднее в документах получилось разночтение.

Маму звали Рася Афраимовна Ковнатор. Она родилась в Латвии городе Лудзе (Люцен). Судя по фамилии её родословная берет своё начало в Литве г. Ковно (Каунас). В Эстонию мама попала после замужества в 1931 году. В свои юные годы она работала в Люцине продавщицей в лавке, где продавались ткани. Хозяин лавочки был также кантором в местной синагоге. Звали этого человека Лазарь Кароник (Кроник). Карьера кантора у Лазаря из-за конкуренции не сложилась, и он решил переехать с семьёй в Нарву, где на тот момент кантора не было вообще. Невезение преследовало Лазаря и в Эстонии... Короче говоря, в итоге Кароники оказались в Канаде в Торонто. Здесь пошла светлая полоса. Со временем Кароник приобрел уважение прихожан, к нему пришла известность, он стал состоятельным человеком.

Во время проживания в Нарве Лазарь Кароник сосватал мох будущих родителей. Свадьба состоялась в 1931 году, через год родилась я.

До исторических событий 40-го и 41-го годов у меня было обычное детство, как у многих детей моего времени. Отец занимался мелкой торговлей, мама не работала.

Родители между собой говорили на идиш, хотя в доме звучала и русская речь. А, вообще, все население Нарвы, независимо от национальности, умело общаться на русском и эстонском языках; русский язык был больше распространен в Ивангороде - Jaanilinnas.

У нас был небольшой двухэтажный деревянный дом на Почтамской улице 62 (Posti t.) в центральной части города, около Петровской площади. В нашей квартире были две смежные комнаты с кухней. На первом этаже дома находилась парикмахерская мужская и женская в одном "зале". Это помещение снимала некая мадам Боденберг- одинокая женщина немецкого происхождения.

Помнится, напротив нашего дома в двухэтажном каменном здании находилась Абрамовская баня, а за Петровской площадью, совсем неподалёку, здание кинотеатра с оригинальным названием VI VA VO. Удлиненная по вертикали вывеска, освещённая бегающими электрическими лампочками, выглядела так:

_____	
VI	
_____	
VA	лампочки
_____	
VO	
_____	

Чуть дальше, по направлению к вокзалу, находился клуб-театр "Võitleja", в котором немалым успехом пользовалась местная "примадонна" Марина Галинская. Из разговоров родителей помню, что в 1940 году "примадонну" прямо во время антракта после 1-го акта оперетты Кальмана "Сильва" красноармейцы арестовали. "Примадонну" посадили в вагон и отправили в ссылку в Сибирь. Так, ни за что, ни про что. Это было обычным явлением. Такая драматическая судьба постигла многих в то время.

В эстонской части города (до моста) находилась синагога. Она занимала весьма скромное деревянное здание. Достопримечательностью Нарвы был, так называемый, "Темный сад" (Pimeaed). Там в музыкальной раковине летними вечерами играл оркестр. Большим успехом сопровождались выступления юной танцовщицы по имени Ольга Кухарская, исполняющей венгерские и цыганские танцы.

Из воспоминаний всплывают и менее значительные события. Например, как мы, ребяташки, летом бегали к какому-то маленькому глубокому водоёму, который представлял собой бурлящий круговорот воды. Купаться там было опасно. Называлось это место "липовая ямка". Летом родители на какое-то время снимали комнату в Усть-Нарве. Это называлось "мы жили на даче". Замечательный песчаный пляж, белое здание курзала на берегу и музыка привлекали сюда немало отдыхающих, в том числе и из Скандинавских стран.

В 1939 году родители отдали меня учиться в эстонскую начальную школу. Называлась она Narva Linna algkool. Из бывших одноклассников того времени не помню никого, кроме одной девочки по имени Нина. Нина была белокурая, грациозная и очень мила, обладая какик-

то шармом. Она приходила в школу в красиво сшитом платье из темного бархата с белоснежным воротничком из крепдешина (вид шелка).

Ниночка, обычно, держалась в стороне от нас, ни с кем не сближаясь. Мы думали, что эта девочка происходит из состоятельной семьи и, что её воспитанием занимается гувернантка и, что родители принадлежат к "сливкам общества".

Но какого же было наше всеобщее удивление, когда мы узнали, что наша Нина живет в Ивангороде среди простых людей в убогой комнатухе с глухонемой мамой. Мама была прачка, нанималась к людям стирать бельё. Своего отца Нина не знала и никогда не видела...

Запомнилась мне и первая учительница, звали её õpetaja Selli. Однажды в середине лета 1941 года, когда фашисты уже приближались к Эстонии, я, случайно, встретила на улице õpetaja Selli. Я поздоровалась. Прервав беседу с какой-то своей знакомой, моя учительница, окинув меня холодным взглядом, спросила: "Ну, а ты ещё не уехала?!"

Вопрос, казалось бы, обычный. Однако, в её голосе явно чувствовалась злая усмешка, презрение, неприкрытая угроза и ненависть.¹

Я знаю, что об умерших говорят хорошо или ничего, так принято. Но я пишу об этом потому, что встреча с учительницей явилась поворотным моментом в моей дальнейшей судьбе, спасла от неминуемой гибели.

Дело в том, что когда произошла эта судьбоносная встреча, жизнь в городе как-то приостановилась в тревожном ожидании неопределенных событий. Улицы порой становились пустынными, а порой в городе ощущалась нервная напряженность и паника. Из окна моего дома можно было видеть как от Таллинского шоссе по направлению к Ивангороду, а точнее к Ленинграду,

¹ Основатель советской педагогики А.С.Макаренко утверждал, что учитель может сказать ученику: "Иди сюда." 24 разными интонациями.

мчались грузовики, набитые чемоданами, узлами, иногда мебелью. Помню, однажды, я видела как посредине одного из грузовиков стоял платяной шкаф с зеркальной дверью. Дверь шкафа была посредине перевязана толстой верёвкой, рядом нелепо торчал фикус. Люди, сидящие на своих пожитках, были дети и жены командиров Красной Армии, а где сами командиры - неизвестно.

До населения уже стали доходить туманные слухи о зверствах фашистов по отношению к евреям.....

Придя домой, после неожиданной встречи с учительницей, я рассказала обо всем родителям, а те, в свою очередь, посоветовавшись, решили, что необходимо, как можно быстрее эвакуироваться.

Во временном измерении моё детство как бы продолжалось, но фактически оно закончилось. Детство украла война. Судьба забросила нас на Урал в село Усть-Кишерть Молотовской (Пермской) области. В селе в каждом доме, в каждой избе все 4 года из репродукторов неслись незабываемые мощные звуки самой популярной в то время песни:

... Пусть ярость благородная
Вскипает как волна.
Идет война народная,
Священная война.....

Песню исполнял знаменитый на весь мир ансамбль песни и пляски Красной Армии под руководством А. Александрова, она звучит у меня в ушах до сих пор. Иногда мне кажется, что все это было недавно, хотя знаю, что на самом деле это было давно....

2008 г.